

Тема Страстей Христовых
в ранней поэзии Симеона Полоцкого
(цикл *Carmina de Passione Christi*)

Пока́нїѧ врѣмѧ: прихождѹ Ти Создѧтелю моемѹ,
возми брѣмѧ ѡт мене́ тѧ́жкое грѣхѡвное,
й гѧ́ко благоутрѡбенъ, да́ждь ми слѣзы оумилѣнїѧ.
[...]

Тва́рь содрога́шесѧ распина́ема Тѧ́ вы́даши,
го́ры й ка́менїѧ стра́хомъ распада́хуса,
й землѧ́ сотра́са́шесѧ, й ѧ́дъ ѡбнажа́шесѧ,
й соо́мрача́шесѧ свѣтъ во дни,
зра́ Тебе́, Іисѹсе, пригвожде́на ко крестѹ.
(Св. Андрей Критский, *Великий Покаянный канон*)

Излюбленная многочисленными богословами тема Страдания Иисуса Христа с самых ранних времен заняла свое важное место в религиозной поэзии. Можно напомнить полные искренних чувств стихотворения *О Страстях Христовых* Венанция Фортуната (ок. 530 – ок. 600), именуемого “либо последним римским, либо первым средневековым поэтом Франции” или гимн *На Христа Распятого* Иоанна Скотта Эриугены, величайшего ирландского философа каролингской эпохи (ок. 810 – ок. 877)¹, а из немногих сохранившихся образцов ранневизантийской драматургии XII века – *Христос-Страстотерпец* –

¹ См.: Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков, Мо-

“драматическое сочинение” в стихах, сложенное из заимствований из греческих трагиков, особенно же из Еврипида².

Примечательно, однако, что в древнерусской литературе и культуре XI–XVI вв. тема эта не пользовалась особенной популярностью. Чтобы разобраться в этом неожиданном явлении, можно обратиться к толкованию о. Сергия Булгакова, который писал, что хотя “для всего христианства священны Страсти Христовы, и все оно склоняется пред Крестом”, то именно “католический мир воспринял с наибольшей силой человечество Христа, притом страждущего, распинаемого. Сравниться с Ним, сопереживая Его крестную муку, есть едва-ли не самое существенное в мистике католичества, с его стигматизацией, молитвенным культом Пяти Язв и т.д.” И хотя “в Православии день Великого Четверга, чтение двенадцати Евангелий о Страстях Христовых, есть одна из литургических вершин церковного года, когда церковь тихо плачет, духовно лобызая раны Христовы, и на каждой неделе в среду и пятницу совершаются дневные службы, посвященные Кресту, однако не этот образ Христа распинаемого вошел в душу православного народа и более всего овладел ею, но образ кроткого и смиренного Христа, Агнца Божия, [...]”³.

Но, например, иезуитский священник Иоанн Кологривов весьма необоснованно, с какой-то непонятной предвзятостью находит в этом суждении “одно из тех утверждений, которыми некоторые современные богословы стараются воздействовать на доверие западных читателей, мало осведомленных или вообще не знакомых с подлинным русским религиозным мышлением. Не говоря уже о молитвах литургии, а тем более о песнопениях Страстной Седмицы, заметим ту особенность, что русская агиография выделяет целый ряд своих святых под именем Страстотерпцев, чей подвиг был в том, что они своей стра-

сква 1970, с. 156–158, 358–360; И. Н. Голенишев-Кутузов, *Средневековая латинская литература Италии*, Москва 1972, с. 132–136.

² См.: *Памятники византийской литературы IX–XIV веков*, Москва 1969, с. 221–226; A. M. Malingrey, *Chrześcijańska literatura grecka, z jęz. franc. przełożył ks. M. Starowieyski*, Tarnów 1995, s. 121–122.

³ Прот. С. Булгаков, *Православие. Очерки учения православной церкви*, Москва 1991, с. 319–320.

дальческой смертью уподобились Христу; место, которое занимают среди русских святых «Христа ради юродивые», в чьем сердце вечно живет образ Распятого Бога; [...]»⁴.

Но «молитвы литургии» и «песнопения Страстной Седмицы» привнесены были на Русь из раннехристианской литургической поэзии, равно как и чин святого Страстотерпца, то есть христианского мученика. Такой «титул» в принципе может прилагаться ко всем мученикам, претерпевшим страдание во имя Христово, но строго говоря, это наименование в первую очередь относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев – в силу их злобы, коварств, клеветы, заговора; соответственно в данном случае подчеркивается особый характер их подвига – беззлобие и непротивление врагам, как например, преподобный Дула Египетский (V в.) или русские святые князья – братья Борис и Глеб (1015 г.), св. Димитрий царевич Угличский (1591 г.)⁵.

Поэтому, в частности, в древнерусской религиозной литературе и искусстве вплоть до «переходной эпохи» преобладает тема Рождества Христова и Его Воскресения. Но уже в «переходном» или «бунташном», полном «сталкивающимися контрастов и противоборств» XVII столетии русская культура, наряду со стремительной эволюцией «национального начала», «мучительно расставаясь со средневековыми идеалами, сначала робко и неуверенно, затем все более решительно становилась на путь европеизации»⁶, воспринимая богатейшие ценности европейской культуры, как известно, через посредничество Польши, Литвы и Украины. Способствовала этому историческая обстановка, новая социально-экономическая ситуация, новые «веяния» в культуре, как последствие интенсивного роста знаний о мироздании

⁴ Иеромонах Иоанн (Кологривов), *Очерки по Истории Русской Святости*, Брюссель 1961, с. 293.

⁵ См.: *Полный церковно-славянский словарь*, сост. священник Григорий Дьяченко, Москва 1993, с. 671; В.М. Живов, *Святость. Краткий словарь агнографических терминов*, Москва 1994, с. 105–106.

⁶ Д. М. Буланин, *Последнее столетие древнерусской книжности*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 1 (А–З), Санкт-Петербург 1992, с. 3–6.

и человеке как созданиях Божьих⁷. В это время на передний план уже выходят украинско-русские и белорусско-русские литературные связи, выразившиеся в проникновении в “святую Русь” западной, католической, а еще точнее, иезуитской богословской науки, под несомненным воздействием которой, например, в украинской религиозной поэзии наряду с образом Богородицы воспеваются муки Распятого Христа⁸, а композиции с изображением Страстей Христовых с второй половины XVII века уже начинают воспроизводиться и на исконно российских крестах, антиминых, покровцах, потирах, дароносицах и дарохранильницах, на окладах икон, на самих иконах и гравюрах, позже – на лубочных листах, причем особо выделяются на престольные кресты, на которых помещалось наибольшее количество элементов, символизирующих Страсти Христовы⁹. Можно вспомнить еще отчаянный протест протопопа Аввакума против нового “иконного письма неподобнаго”, когда “пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. [...] А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики. Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев!”¹⁰ – с горечью восклицал великий вождь старообрядцев, бессильный перед надвигающимися “веяниями

⁷ См. соответствующие статьи А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова, П. Ф. Каптерева, Н. М. Никольского и В. В. Нечаева в переизданных недавно исторических сборниках под ред. В. В. Каллаша: *Три века. Россия от смуты до нашего времени*, т. I–II, Москва 1912 (Москва 1991).

⁸ См. стихотворения Андрея Скольского, Иоаникия Волковича, а особенно – св. Димитрия Ростовского, опубликованные в сборнике *Українська поезія. Середина XVII ст.*, упорядники В. И. Кречетень, М. М. Сулима, Київ 1992.

⁹ Об этом: С. В. Гнутова, *Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков*, [в:] *Филевские чтения*, вып. V (Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII веков), Москва 1994, с. 68–81.

¹⁰ Протопоп Аввакум (Петров), *Беседа четвертая (Об иконном писании)*, [в:] *Житие Аввакума и другие его сочинения*, сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона, Москва 1991, с. 253–254. Установлено, между прочим, что “запад-

нового". А это новое выразилось, между прочим, в известных просветительских реформах, гражданских и церковных, начатых в России еще во времена царствования Алексея Михайловича (1645–1676). Именно это новое возбудило интерес к разнообразным темам и мотивам, обстоятельно разработанным в западной богословской литературе.

И если, например, тема Страстей Христовых доминирует в мировоззрении и творчестве одного из наиболее сильно подвергнутых западному влиянию писателей, каким был св. Димитрий Ростовский¹¹, то поэтическое наследство Симеона Полоцкого как раз является не менее блестящим свидетельством качеств “переходной” эпохи: здесь эта тематика представлена сравнительно небогато. В мало известном раннем творчестве этого “белорусско-русско-польского интеллигента”¹² имеется декламация, названная по-польски (*Wiersze o Męce Pańskiej w cerkwi mówione*), но написанная латиницей на родном языке, “иже свойственный бѣ моему дому”, как определил сам Симеон Полоцкий в предисловии к Рифмологиону (1678); пасхальный диалог *Wierszy w Wielki Piątek przy braniu Płazzczenicy (W tanastyrze oycy xiędza Szembeka)*, составленный “в билингвистическом (польско-белорусском ключе)”¹³; еще неизданный цикл из девяти сти-

норусские, а в конечном итоге – латинские источники” прослеживаются даже в старообрядческой поэзии. См.: Ф.А. Белоусов, *Колыбельная из Причудья*, [в:] *Труды по русской и славянской филологии*, т. XXIV, Тарту 1975, с. 265.

¹¹ И. Кологривов, *Очерки...*, с. 293–302; Л. А. Янковска, *Сотериология в поэзии св. Димитрия Савича (Ростовского) (к вопросу о влиянии западного богословия)*, [в:] „X Musica Antiqua Europae Orientalis”, vol. 2, „Acta Slavica”, *Nurt metafizyczny w poezji narodów słowiańskich*, Bydgoszcz 1994, s. 25–38.

¹² См.: R. Łużny, *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII–XVIII w.*, Kraków 1966 („Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, t. CXLII), s. 26–31, 109–128, 142–145; А. Н. Робинсон, *Борьба идей в русской литературе XVII века*, Москва 1974, с. 227–228, 232.

¹³ В. К. Былинин, *Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого*, [в:] *Русская старопечатная литература (XVII – первая четверть XVIII в.)*, т. III, *Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность*, Москва 1982,

хотворений на польском языке и цикл *Carmina de Passione*, являющийся предметом предлагаемых замечаний и впервые публикуемый в приложении. Большинство этих произведений находится в самой ранней из сохранившихся рукописей, датируемой примерно 1648–1658 гг.¹⁴ *Wiersze o Męce Pańskiej w cerkwi mowione* – это декламация, состоящая из двенадцати силлабических стихотворений, произносившихся двенадцатью “отроками” во время Страстной Недели, скорее всего в Страстную Пятницу¹⁵. Далее в рукописи имеется еще девять стихов на польском языке (<*Chrystus*> *Aq[ua]*, *Kamień*, *Chleb*, *Kwiat*, *Dzień*, *Król*, *Żywot*, *Męka*). Российские исследователи В. К. Былинин и Л. У. Звонарева считают, что это заключительные стихи предыдущего цикла¹⁶, что кажется неубедительным вследствие языковых различий. В них следует усматривать самостоятельные элегии, тематически объединяющиеся в характерную эмблематическую цепочку, в которой явно не хватает стихов о погребении, Воскресении и Вознесении – быть может, этот цикл был не окончен – в рукописи дальше следует почти чистый лист, тогда как в некоторых других местах листы записаны даже вертикально...¹⁷

с. 310, 314. Первая публикация текста по автографу, находящемуся в сборнике Государственного Исторического Музея, Синод. собр., № 731 (лл. 294–301), с переводом на русский язык в кн.: Симеон Полоцкий, *Вурши*. Сост., подготовка текстов, вступ. статья и комментарий В. К. Былинина и Л. У. Звонаревой, Минск 1990 с. 216–234. Это самая ранняя пьеса, написанная во время обучения в Виленской академии, что явствует из завершающей ее текст криптограммы.

¹⁴ „†<Pandecta seu COLLECTANEA albo> ZEBRANIE SCRIPTOW ROZMAITYCH Y NOTACYE”. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА), фонд 381, собрание рукописей Московской Синодальной Типографии, № 1800, 2^о. Автограф. Подробное описание манускрипта см. в кн.: R. Łużny, *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej [...]*, s. 110–112.

¹⁵ См.: L. A. Jankowska, K. Szcześniak, *Właściwości językowo-stylistyczne wczesnej poezji Symeona z Polocka (deklamacja Wiersze o Męce Pańskiej w cerkwi mowione)*, [в:] *Czterechsetlecie Unii Brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego*, pod. red. Z. Leszczyńskiego, Lublin 1998, s. 59–79.

¹⁶ С. Полоцкий, *Вурши*, с. 394.

¹⁷ L. A. Jankowska, K. Szcześniak, *Właściwości językowo-stylistyczne...*,

Как уже упоминалось, общий взгляд на поэтическое наследство Симеона Полоцкого убеждает в том, что тема Страстей Христовых доминирует в раннем творчестве, тогда как, например, в огромном сборнике московского периода (*Вертоград многоцветный*, 1678) находится всего одно стихотворение, названное *Страсти Христовы*. Оно пока остается неопубликованным, но из *Оглавления вещей в книге сей содержимых*, составленного Симеоном Полоцким, явствует, что это небольшое по объему произведение, поскольку на одной и той же странице рукописи читаются еще два стихотворения¹⁸.

Публикуемый ниже цикл *Carmina de Passione Christi* состоит из восьми стихотворений, наделенных характерной барочной эмблематикой. Напомним, кстати, что в стиле барокко разные виды искусства – живопись, архитектура, литература – объединялись общими идейными и эстетическими качествами, а это стимулировало к взаимовлиянию и даже объединению разных форм искусства (“художество”), а в литературе – к свободному переходу с одного художественного языка на другой. “Поэзия есть говорящая живопись”, а “живопись – немая поэзия”, “поэт должен писать красками” – эти манифестирующие положения поощряли скрещение различных художественных языков. Барочные писатели стремились к созданию универсального языка искусства, языка, способного воздействовать на внутренний мир и эстетическое восприятие каждого человека. В связи с этим появляются и широко распространяются эмблемы, то есть тройственные композиции, складывающиеся из эпитафии (“фемы”), рисунка (чаще всего герба, портрета) и стихотворения, являющегося своеобразной подписью, развивающей и комментирующей изображенную на рисунке эмблему. Кроме того, популярностью пользовались эмблематические стихи, насыщенные картинностью, иконичностью повествования. Довольно часто стихи подобного рода записывались в форме символической графемы (креста, сердца, солнца, звезды, орла)

с. 59–79.

¹⁸ См.: С. Полоцкий, *Вертоград Многоцветный*, т. I: Аарон – Детям благословение. Подготовка текста, статья и комментарий А. Хиписли и Л. Сазонова. Предисловие Д. С. Лихачева, Köln–Weimar–Wien 1996, с. 21.

или “магического лабиринта”. В барочной поэзии место рисунка заняли словесные картины¹⁹.

В анализируемом цикле также появляются такие художественные эмблемы: в первом стихотворении – Распятие, в третьем и четвертом – образ Христа, возлежащего в гробу, тогда как седьмое стихотворение – это неповторимая по своей поэтичности сцена Снятия с Креста. Несколько раз поэт прибегает к визуальным средствам художественного воздействия на восприятие адресата, обращаясь непосредственно к своему читателю, например, “припатруйсе” (1, 2), “обачь” (2, 1), “спозри” (2, 7), “смотри” (2, 11), “спытай” (3, 1). Естественно при этом и использование разнообразных средств барочной поэтики: смелые, эмоционально насыщенные метафоры, красочные эпитеты, изысканные аллитерации и ассонансы, антитезы и параллелизмы, инверсии и анжабеманы.

Во всех стихотворениях цикла рисуется образ Христа израненного, покрытого “кровавым чернилом” (3, 11–12), “потом кровавым” (4, 11), со слепленными кровью волосами (7, 13). Обилие крови в этих картинах не наполняет, однако, страхом – это прежде всего символ Очищения, Спасения, Жертвы и Царственности, что отмечалось и раньше как характерная черта христологии Симеона Полоцкого²⁰.

В образе Христа Страждущего поэт привлекает целый ряд сравнений и символов. В третьем стихотворении Христос сравнивается с покрытым язвами библейским пророком Иовом (3, 9–12), в седьмом – с ягненком, пожертвованным за Исаака (5, 9–11), в четвертом стихотворении Симеон Полоцкий сравнил Спасение с Сотворением мира (4, 9–14), а в пятом он называет Христа “вторым Адамом” (5, 7). Двойственная символика воды вводится в шестом стихотворении, в начале которого “множество греховных вод”, грехов человеческих приводит к тому, что гаснет “светлость плоти” Сына Божьего (6, 11–12) и полдень приравняется полуночи, но в заключительной сен-

¹⁹ См.: Л. И. Сазонова, *Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.)*, Москва 1991, с. 74–76.

²⁰ Л. А. Янковска, *Сотериология в поэзии (...)*, с. 30.

ценции обилие слез раскаяния неизбежно должно вымолить у Господа желанное душевное спасение.

По принципу контраста поэт строит эмблематическую композицию первого стихотворения цикла: “древо крестное” как орудие Страданий Сына Божьего, “древо смерти” как расплата Страждущему “от злых потомков” и плодоносное дерево “в полном утех Раю”, “древо жизни во Едемском краю”. О неблагодарности “рода яшурчого”, как называет поэт грешное человечество (1, 12), свидетельствует и тот факт, что люди пробили гвоздями руки Того, Кто их “сформовал”, прокололи копьем ребра Того, из Чьего ребра они же были созданы, и пробили “навылет” ноги святые Того, Кто сошел на землю, чтобы люди обрели дорогу “до неба”. Далее автор противопоставляет ящерицу, которая собственной матери “чрево прогрызает”, чтобы жить “в свете”, и Жида, ищущего “тьмы” (1, 21–22), еще более акцентируя тем самым греховность человеческую, но в заключении поэт выступает уже, однако, от имени людей верующих, ожидающих от Христа света милосердия и вечной жизни. Таким образом живописное изображение Распятия, знакомое адресату из иконографии, передается в динамическом, стремительном словесном повествовании.

С точки зрения художественного совершенства особенно выразительным представляется стихотворение восьмое, в котором Христос показан как “скарб неошатованый”, бесценное сокровище (8, 2), “ангельский хлеб”, возложенный на престоле могильном (8, 9–10), “источник живой”, к которому приходят жаждущие (8, 11), сноп пшеничный, вымолоченный “бичми” как цепями (8, 13), “гроздь зрелый”, выжатый камнями, как жерновами (8, 15). Метафоризация исходит здесь одновременно из нескольких свойств и значений, создавая определенный семантический пучок, некое метафоризирующее обобщение образа.

Для поэзии Симеона Полоцкого характерно также очевидное дидактическое направление. Почти каждое стихотворение завершается дидактической сентенцией, непосредственным воззванием к читателю или апострофой, выражающей христианскую позицию самого автора. В конце первого стихотворения содержится ожидание “жизни и све-

та”, в других звучит призыв к оплакиванию Страстей Господних всем сердцем (2, 32–33), к преклонению перед Предвечным (3, 22), к обмытию слезами Его ран (4, 17 и 6, 26), к плачу вместе с Марией над Гробом Христовым (7, 25 и 8, 12). В награду за это неизбежно последует ожидаемое Спасение, “жизнь вечная”, свет райский, “утехи в небе”.

Такое представление Сына Божьего и Его Страданий существенно отличается от изображений Господа в поэзии великорусского периода, где Христос – “жених душ”, “странный муж”, отовсюду созерцающий тайны “во всей стране земней”, победивший “враги своя” крестом, “иже сугуб есть Бог бо совершенный”, “истинный Бог”, “свет Христос”, царствующий “в своей божественной славе”, “древо животно” и т.п.²¹ В ранних стихах Симеона Полоцкого представлен образ Страждущего, лежащего в гробу, образ “невинного Агнца”, пожертвованного Богу “за грехи мира” (4, 1–2). Замученный, одинокий в своем страдании Спаситель теряет сознание, закрывает очи (6, 15–16). К лицемерию этой картины призываются все силы природы, небо, земля, моря и реки, даже воздух и “огнь поднебесный”, и от этого вида гаснет солнце, луна обливается кровью, скалы рушатся, стонет земля, и только сердце грешного человека, совершеннейшего создания Божьего, оказывается тверже камня (2). В таком изображении есть и дидактическое воздействие, ибо – отрицательный пример возбуждает читателя к глубоким переоценкам своей собственной жизни, к размышлениям над собственными поступками, которые, возможно, ранят Христа еще более. И поэт призывает к рефлексии, к посвящению своего сердца Богу (“дай кожды сердце Ему за винницу”, 8, 19), к постоянным воспоминаниям о страданиях Спасителя. Поэт говорит от имени верующих людей, тех самых, которые ожидают от Сына Божьего “жизни и света” (1,26). Такая трактовка Страстей Христовых является скорее всего не западной (католической) и не восточной (православной), а просто христианской.

²¹ См.: С. Полоцкий, *Избранные сочинения*. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина, Москва–Ленинград 1953, с. 10, 51, 113, 126, 129, 131, 141, 144.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Симеон Полоцкий

CARMINA de Passione Christi

(РГАДА, ф. 381, Рукописи Московской Синодальной Типографии,
№ 1800, лл. 29 (31) – 32 (34) об. Автограф)*

{Л. 29 (31)}

1.

Стань, Человѣче, в непо^движно^М кроку,
 А припа^тру^исе страшному видуку,
 Которы^и нынѣ в^ъ Єрусалимъ градѣ
 В безумно^и сталсѣ Иуде^иской¹ радѣ.
 Створене² Творьца платаетъ на древѣ 5
 Крестно^М, же некгдысѣ Адаму і євѣ
 Да^л древѣ обфито^х в полны^М утѣхъ раю
 І древо жи^зни во Єде^Мскомъ краю.
 Ω^д злы^х пото^Мковъ за то древо мае^т
 Смер^Рти, кгда на ни^М ро^збиты^и бывает. 10
 Ω невдѣчно^сти, проклѣтатаѣ злости,
 Роде гащо^Рчи^и, чему бе^з литости
 Въ рука^х, котрие тебе сфо^Рмовалы
 Глыбоко гво^здми здѣлале^с камалы?
 Ребра длѣна чогу Тому пробиваешъ? 15
 З ребра ω^т Кого товариша маешъ?
 Ноги с(ва)тѣе навывле^т пробиты,
 Чы же ходили, дорогу жебы ты

* В связи с весьма специфическими особенностями правописания и почерка Симеона Полоцкого в публикации полностью сохраняется оригинальная орфография подлинника и отмечаются все авторские исправления. Титлы раскрываются в круглых скобках, надстрочные приписки и маргиналии – в угловых, а редкие конъектуры – в квадратных скобках; нерегулярные написания отмечаются знаком [!]. Знаки препинания, почти отсутствующие в рукописи, проставлены по современным правилам синтаксиса.

¹ Авторское исправление по тексту первоначального „Иудельско^и“.

² Первоначальное написание: „Створенѣ“.

Мьле^С до н(е)ба̄, штож за кривду маешъ?
 Чы до Єгипту знову замы^Шлаешъ? 20
 І-Ашо^Рка ма^Тце чрево прогрізаєть,
 Бы жила в свѣтѣ, а жи^Д тмы шукає^Т,
 Бо^Зки^И бокъ ѡстри^М копие^М проби^Вшы,
 Сме^Рти жадає^{ТЗ}, в жи^Зни уте^Скнившы.
 Леч^Ч мы, ѡ Хр(и)^Сте, к Тебѣ припадаємъ 25
 Жи^Зни <и> свѣта ѡ^Т Тебе чекаємъ. [Manu propria.] ||
 {Л. 29 (31) об.}

В. [2].

Ёбачъ, все створене, ѣакъ е^{СТ} умале^Ины^И
 П-адию Котрого неба су^Т змере^Ины;
 Ото єдному древу неспро^Стаєть,
 Любо всего на нимъ Себе разст<Іа>чає^Т,⁴
 Небо, землю, море, пе^Рсть Его керуєть, 5
 По^Д Кре^С томъ єданы^М <дл-а> на^{С5} дне^С шва^Икуєть.
 Ёбачъ, небо, ѣакъ ра^Спосте^Р[ли]⁶ тебе:
 да^Л дл-а чл(о)в(ѣ)ка ра^Спостерѣти Себе,
 Споз^Бри⁷ и ты, земле, на^Д сло^Ице І-а^Сне^Ишы^И,
 же стаєть дл-а грѣшны^Х ѡ^Д тебе че^Рне^Ишы^И. 10
 Смотри, море, реки, ѣако лїєть ѡбфїте
 воды, сле<з>ы⁸ и поту грѣшны^Х на ѡмы^Те.
 Сумнис-а, повѣтре, тры краины тобѣ
 котры^И да^Л, єдного тху не має^Т в собѣ.
 И ѡгнь по^Днебе^Сны^И неха^И се дивуєть, 15
 же свое^И теплоты в Тво^Рцы не^Зна^Идуєть.
 Вси вра^З [!] живїюлы слезы вылева^Ите:
 Уме^Р, без него же не^{СТ} жы^Зни, по^Зна^Ите.

3 Первоначально: „задає^Т”.

4 Буква „І-а” надписана над зачеркнутой буквой „а”.

5 Первоначально: „до на^С”.

6 Первоначальное окончание не прочитывается.

7 Первоначально: „Споз^Бри”.

8 Авторское исправление над стихом; первоначально с опiskой: „слежа”.

Ты, челове́че, на^л каменѣ тве^рдѣше се^рдце маешь,
 же Тво^рцы своего ре^вне не рыдаешь. 20
 Слонце га^снеетъ, месе^ц в криваво^и ѿсобѣ,
 Падаютьдза скалы, ты фо^лкгуе^ш собѣ,
 Зе^мля стогнетъ, а ты подобно з жыдами
 раны множишь в телѣ бо^лшыми ранами.
 Е^сли^ж не уча^стникъ жыдо^вское злости – 25
 Плачь Б(о)га твоего з се^рдечне^и чо^рности.
 То пры-ате^л [!] правы, хто бѣды зносити
 гото^в веспо^л, з того по^знанъ буде^ш и ты,
 Же^с при-атель [!] Х(ри)^с(т)у, кгда буде^ш рыдати,
 Страсти Его на свы^м се^рдцѣ выразиати. [Manu propria.] 30
 Г. [3]. ||

{К. 30 (32)}

Спыта^и, пе^лгриме, хто лежить в ты^м гробѣ?
 Любѣ нагробокъ на хребтѣ писа^и про^чти собѣ,
 Чти⁹ – Ису^с Назарининъ Ца^р Юде^иска рода,
 до Арымае^ичыка¹⁰ зложе^н ѿгорода.
 Мае^статы, бе^рло, ца^рски^и зна^к, и ша^рлатъ кржавы^и, 5
 Крестъ, трость, і баграницу, прыше^лче ла^скавы^и,
 Зна^и дешъ печать на пе^рсехъ. Лечъ напи^с читати
 дла^н хара^ктеру <злого> не можешъ познати.
 Тру^дно было ѿва познати [...] ¹¹ по скорѣ¹²,
 Кгда списа^л бы^л видами дѣво^л в с^ввы^м упорѣ. 10
 Тру^дне^и Х(рист)а во гзва^х, ѿ^л жыдовъ за<да>ны^х¹³,
 познать, кржавымъ че^рниломъ на^збы^т залеваны^х.
 Крестъ за хе^р самъ слово, за титло корона,
 ты^м способомъ есть Х(ристо)^с, на ти^х выражона,

⁹ Первоначальная орфография: „чты“.

¹⁰ См. в Евангелиях: Матф. XXVII, 57; Марк XV, 43; Лука XXIII, 51; Иоанн XIX, 38.

¹¹ Зачеркнуто слово „поскорѣ“.

¹² Приписано позднее.

¹³ Первоначально: „задраны^х“.

Але слово бе³ гласа хто познатї може? 15

Тру^дно естѣ зрозумѣти Тебе, Х(рист)ѣ Б(о)же.

Сло^вце, катапетазма¹⁴, землѣа пос^вѣдчае^т,
же^с естѣ Слово Божье, чу^дми <вызнаваю^т>¹⁵.

А прокляты^и Жыдовинѣ ругаетьсе Тобѣ,
Не познавае^т Б(о)га в чловѣч^ои ѿсобѣ. 20

Але мы, хрестяне, до ногъ упадаемъ,
Б(о)га Тѣа предвѣч^наго в плоти вы^знавае^м.

Д̣ [4].

Неви^нны^и Агнець се лежитьъ закланы^и,
за грѣхи мира Б(о)гу в же^ртву даны^и,
Самъ единъ здвигнулъ злости свѣта всего,
Свѣтъ ве^с нездола^л, а рамена¹⁶ Его
Зне^сли, ачъ с трудомъ и бодемъ немалымъ, 5
бо се узноилъ по^томъ ажъ кривавымъ,¹⁷ ||

{Л. 30 (32) об.}

По кторымъ ѿго улегль спочивати,
што то за праца, може^м дне^с познати,
Кгды створылъ ве^с свѣтъ и ско^нчыль роботу,
Спочылъ в де^н семы^и, ле^ч не было поту, 10

Ани бы^л уснулъ. А кгды направуетъ
Свѣтъ зепъсованы^и, по^т кривавы^и снуе^т.

В де^н ше^сты^и уснулъ, бо латве^и зроби^т
Скуде^лны^и сосудъ, ни^жли направити. 15

Накимъ естѣ человекъ, длѣа чоґѡжъ не знае^мж,
же длѣа на^с уснулъ тве^рдо? Чему взаемъ

Крови не хочемъ ѿмыти слезами

¹⁴ Катапетазма (греч.) – завеса, отделявшая святое святых от святилища в Иерусалимском храме (*Матф.* XXVII, 51; *Марк* XV, 38; *Лука* XXIII, 45; *Евр.* VI, 19). См.: *Slovník jazyka staroslověnského*, vol. XV, Praha 1967, с. 16–17.

¹⁵ Приписано позже рядом с зачеркнутым „по^свѣдчають“.

¹⁶ Первоначальная орфография: „рамона“.

¹⁷ На нижнем поле зачеркнутая приписка другим почерком, очевидно читателя: „Бо се уснулъ“.

и ногъ о^Рти главы волосами?
 Мы^Ж Агница того ко^Жды, в де^н и в нocy,
 Слезьми, да ѡвча купе^л будутъ ѡчы. 20
 Є. [5].
 Бода^й бы^с, земле, те^Рне^й не родила,
 Сли^чна-а рожа лепе^й бы не была,
 Ни^Жли на Б(о)га зрѣти пораненна,
 Теръние^М ѡстрымъ до мозкѣ збоде^нна,
 Лечъ самъ велеле^с Х(рист)е^е е^й родити 5
 На казнь Адама, любъ самъ меле^с быти
 вторымъ Адамомъ, ве^нць сна выпе^лнило
 в Тобѣ пе^Ршому, што се назначыло.
 За Ісаака козелъ зготованы^й
 Б(о)гѣ на же^Ртву те^Рнемъ затриманы^й, 10
 Ты, Х(рист)е^е, за всихъ рачиле^с те^Рпѣти,
 На главѣ те^Рне належало мети,
 Але кгда ости Тебѣ проникають,
 ахъ, се^Рца наши¹⁸ напо^л умирають.
 М^ллеють, кгда Ты, вси^х животъ, ѡмъдълевае^ш; 15
 Мра^к в сло^нцы, же Ты повѣки¹⁹ складаешъ, ||

{Л. 31 (33)}

Кто^Ж весо^л буде^т? Сами плачу^т неба,
 Треновъ же, л^наме^нто^б на то^й актъ потреба,
 Зачни^Ж плачь ревны^й, кому Богъ е^{ст} милы^й,
 Арьфа при а^Рце, тре^н до те^й могилы. 20
 Те^Рнь главе, а тре^н се^Рцу подобае^т,
 Кгда в^б труне в те^Рню тронъ вси^х глава мае^т.
 Є. [6].

Што то за рожа в те^Рню руменѣть?
 Што за пу^Рпура в гробѣ че^Рвенеетъ?

¹⁸ Первоначальное написание: „наша“.

¹⁹ Первоначальная орфография: „повики“.

ѿбачь чловече, если не²⁰ купина
 Гори^т, видна пре^з атра^мла^а²¹ сына.
 Зложи сапоги грѣхо^вное злости, 5
 Та^к приди смѣле до оде^ртыхъ ко^сти
 З скури, и тѣла, а те^рнь покрвавены^и
 ѿбачышгъ, на^ко дро^и сто^с запалены^и.
 Купина въцѣлѣ,²² лечь ѿгнь угашаетъ,
 Кгды душа²³ з тѣломъ ахъ стра^х ра^злучаетъ. 10
 Мно^зство грѣховны^х во^д тому причина,
 же зга^сла свѣтлость плоти Э(о)га С(ы)на.
 Ровны^и полу^дню ста^лса пу^лночь праве,
 хто виделъ, ѿбачь, позна^и по по^ставе,
 Позна^и Ма^тко,²⁴ чы Того^с родила? 15
 Чы то естъ Ису^с, спыта^и Га^вриила,
 Тые ли уста соло^дшыя слова
 з себе пуцалы ни^ж ме^д го^ртанъ лвова.
 Чы тые руки хоры^х исцѣлалы?
 тые ли рызы крвотокъ гамовалы? || 20

{Л. 31 (33) об.}

Рекънете, <тые>²⁵, а самъ в кр^ви пытаю
 чему, и в развахъ врача ѿгладаю:
 Уста посмаглы, че^м не мовить слова;
 ахъ, длна на^с грѣшны^х в ни^м устала мова, 25
 А мы што^ж будемъ к нему глаголати
 гойне, бы во^с кре^сль, сле^зми. полевати.
 ѿ. [7].

Матько жало^ст<на>²⁶, по^лна жалю мати,
 на^ко^с такъ тнажки^и боль могла стрымати?

²⁰ Первоначальное слово: „же”.

²¹ Исправлено по тексту. первоначально: „авраила”.

²² Первоначально: „вцоло”.

²³ Первоначальная орфография: „душы”.

²⁴ Первоначально автор обратился к Богоматери по имени: „Марио”.

²⁵ Надписано над зачеркнутым „Его”.

²⁶ Первоначальное написание неразборчиво; быть может „жалоблива”...

- Кгды гакъ Израиль краву шату С(ы)на
 ω^д сыно^в прин-а^л, ты ω^д Никодима
 На руди Х(рист)а прин-ала²⁷ своего,²⁸ 5
 ω^д зверо^в дикихъ поша^рпана всего.
 Матъки, ува^жте, гака радость была
 Мари-а раны кгды Х(рист)а личила,
 гакъ ѡчы слезы го^йне вылевали,
 кгды в рана^х ѡче^й Х(ристо)вы^х шукали: 10
 Кгды ѡстрость те^рне^й з косте^й вытегала,
 много кротъ на сме^рть праве ѡмлевала.
 Злиплые кров^ью розберала власы,
 Ѡ гак рыдала жало^сными гласы,
 Кгды ѡмывала пречистое тѣло, 15
 бо^лшь ни^ж водою, сле^зми, ре^кну смѣло,²⁹
 Кгды во гробъ клала, што были за слова?
 Ахъ, а^х, а^х, Сыну, ю^ж и га готова
 На сме^рть с Тобою, чему^ж ѡста^вла-аешъ
 на боль, на ламеньтъ, на пла^ч м-а выдае^ш? || 20
- {Л. 32 (34)}
- А в тако^м жалю Є^й потеха была,
 з^бчными невѣсты, же слезы делила,
 Вы, цные жены, чему такъ суровы?
 Чему з Мариєю плака^т не готовы?
 Блаже^н, хто плачетъ нынѣ з Мариєю, 25
 Будетъ прычасте^н уте^х в небе з нею. ||
 Й [8].
 Спыта^й, чловѣче, хто тутъ похованы^й?
 Ска^рбъ есть положе^н неѡщацованы;
 Свѣтъ ве^с, кот<о>ры^м ω^дкупиль Б(о)гъ Собъ,

²⁷ Первоначально было: „прин-але^стъ”.

²⁸ Два последних слова здесь переставлены в соответствии с исправлением автора арабскими цифрами над строкой.

²⁹ На наружном поле напротив этой строки приписано слово „го^йне”.

в скрини то лежитьъ, а не в те^Мны^М гробъ,
 Нынѣ на Крестно^И шали ѡд^Лважены^И, 5
 за три^Дцать сребрны^Х у Юды куплены^И.
 Кто хочетъ, можетъ и танѣ^И купити,
 бе^З сребра, за слезъ исто^Чникъ ѡбфиты^И.
 Аньге^Лскимъ хлѣбомъ Х(ристо)^С нарече^Нны^И,
 на столѣ прето гробнымъ положе^Нны, 10
 Исто^Чникъ живы^И ѡ^Н сна называетъ,
 кто жа^Ждетъ, неха^И к Нему се зближаетъ.
 Снопу пшеницы чрево приро^Внано,
 какъ цепи прето би^Чми вымлачано,
 Гро^Здъ зрѣлы^И ѡ^Н есть, по^Д камень вложены,³⁰ 15
 Абы на^К прасомъ моглъ бы^{<Т>}³¹ выти^Снены^И.
 Кто прагнетъ виномъ ты^М весолы быти,
 треба до гро^Зду уста прытулити,
 Да^И ко^Жды се^Рце Ему за ви^Иницу³²,
 утѣша^И в жалю Марию двѣйцу. || 20

{Л. 32 (34) об.}

Поможы плачу при то^М то погребѣъ,
 абы^С се тѣшилъ³³ ве^Чне потымъ в н(е)бѣ. [mp]

30 На наружном поле мелкой скорописью приписано слово „грозд“.

31 Авторское исправление вместо первоначального „бы^Л“.

32 Последние слова здесь переставлены соответственно с цифровым исправлением автора.

33 Первоначальное слово: „утѣшилъ“.